

ЕЛЕНА КРЮКОВА

ВРЕМЯ

Елена Крюкова

Время

«Издательские решения»

Крюкова Е.

Время / Е. Крюкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930961-7

Музыка бури и еле слышное биение сердца. Страсть великой битвы и священное молчание. Пространство и время разрубают судьбы, а ветер любви соединяет одинокие души. Люди хотят преодолеть краткость земной жизни. Победить время: полюбить его. Новая книга стихотворений Елены Крюковой, построенная на контрастах трагедии и праздника, воли и тюрьмы, сражения и нежности, яростного крика и первозданной тишины, говорит нам об этой вечной и высокой попытке.

ISBN 978-5-44-930961-7

© Крюкова Е.
© Издательские решения

Содержание

ВРЕМЯ	6
ПЛАМЕННЫЙ ПОТОК В ГРАНИТНОМ РУСЛЕ	7
ФРЕСКА ПЕРВАЯ.	8
ЦАРСТВО МЕРТВЫХ	8
РАСПЯТИЕ	8
«Ну, сбегай же с ума...»	9
СХОЖДЕНИЕ С УМА	10
«Все на свете были мальчики и девочки...»	12
ВСТРЕЧА МАРИИ С ЕЛИЗАВЕТОЙ	13
ПРОЩАНИЕ ЦАРИЦЫ АСТИС С ЦАРЕМ	14
АРТАКСЕРКСОМ	
ПЕСНЯ МАРИНКИ. МЕЧ ГЭСЭРА	16
НА ТАЙНОЙ ВЕЧЕРЕ	17
ПОГОРЕЛЬЦЫ	20
УЛИЧНАЯ ЕЛЬ. НОВОГОДЬЕ	21
«Ну вот я вся – Мария Магдалина!..»	22
УБИЙСТВО В КАБАКЕ	22
«Вы, звери мои и птицы!..»	23
ВАСИЛИЙ БЛАЖЕННЫЙ	24
СЕВЕР. ЗВЕЗДЫ	25
ИРКУТСКИЙ ВОКЗАЛ. ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ	26
«Мои облака... облатки...»	29
РОЗВАЛЬНИ ПО ОБЛАКАМ	29
«...У тебя очень холодно...»	33
«О мать, не уходи, постой...»	33
ВИДЕНИЕ ПРОРОКА ИЕЗЕКИИЛЯ	33
ФРЕСКА ВТОРАЯ.	38
ВОЛОДЯ ПИШЕТ ЭТЮД ТЮРЬМЫ КОНСЬЕРЖЕРИ	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Время

Елена Крюкова

Дизайнер обложки Владимир Фуфачев

© Елена Крюкова, 2018

© Владимир Фуфачев, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-0961-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВРЕМЯ фрески

Музыка бури и еле слышное биение сердца.

Страсть великой битвы и священное молчание.

Пространство и время разрубает судьбы, а ветер любви соединяет одинокие души.

Любовь навеки пламенна: с нею не страшен безмолвный холод веков.

Люди идут по земле, падают и поднимаются снова; люди хотят преодолеть краткость земной жизни. Победить время: полюбить его.

Новая книга стихотворений Елены Крюковой, построенная на контрастах трагедии и праздника, воли и тюрьмы, сражения и нежности, яростного крика и первозданной тишины, говорит нам об этой вечной и высокой попытке.

ПЛАМЕННЫЙ ПОТОК В ГРАНИТНОМ РУСЛЕ

Считается, что вещественные приметы любой эпохи постепенно уходят в небытие, а наиболее чистым и достоверным свидетельством времени остается поэзия. Ясные, суровые строки Елены Крюковой наверняка останутся потомкам. Это почти документ. Точный и безжалостный. Нежный и огненный. И одновременно – высокая поэзия. Неукротенная стихия стиха течет пламенным потоком в гранитном русле правды.

*Флаги винны, флаги красны – сколько крови пролито!..
Неужель снега напрасно кровушкою политы?..*

*Помню: стылый окоп. Тишь после взрыва.
И под каскою – лоб мыслит потный: живы...*

*Да, живой я, живой! И пою, и плачу,
И гармошки крик лихой за пазуху прячу!*

*И протезом об пол – стук! Деньги – в шапку?.. – в каску!..
Друг, налей, выпей, друг,
Да за эту пляску...*

Неистребимая радость жизни в грубой красоте солдатской песни. Торжество!
Торжество русское, в лугах и горах рождённое, на медовухе настоящее, в грозу – на все времена! – воссиявшее.

Тексты Елены Крюковой – одновременно и летопись, и драма, и лирика, и опера, и народная песня, и многослойный, полифоничный хор. Сплетение приемов нескольких искусств здесь налицо. Эти тексты явно просят музыки; но даже если не найдется композитора, который положит на музыку эти напряженные, яркие и рельефные поэтические пласты, они все равно останутся звучащими – в сердцах читателей, куда бьются сердца.

Ольга ТАИР

ФРЕСКА ПЕРВАЯ. ЗВЕЗДНАЯ ПЛАЩАНИЦА

*«Дайте себе обет, и сею великою жертвой
купите все, чего жаждете
и даже чего не ожидаете...»*

Ф. М. Достоевский, «Братья Карамазовы»

ЦАРСТВО МЕРТВЫХ

*Ни сна, ни отдыха душе, и ни куска, и ни угла...
Я в Царстве Мертвых. Я уже реку теней переплыла.*

*Еще по жилам кровь течет.
Еще дышу, и ем, и пью.
Но мертвых звезд тяжелый ход
внутри осветит грудь мою.
И озарит: любви скелет.
И выхватит из тьмы: ребро.
Жила, живая, много лет.
Да пламя выело нутро.*

*Да Время выгрызло мне плоть.
Да звезды выжгли соль очей.
Я в Царстве Мертвых. Мой Господь
распят, разъят в ночи ночей —*

*где я орала, кровь текла, где снега ткань, собачий вой...
Где я любила и жила. Где ты любил меня – живой.*

РАСПЯТИЕ

*Господи! А Крест-то покореженный...
Как из проволоки – тело рукокрылое...
Так перед Тобой с душой стреноженной
Я стою, полна рыдальной силою.*

*Грязь пила – бездонными стаканами.
Отмывалась – шаек в банях не было!..
Господи, ну глянь очами пьяными —
Помолюсь Тебе из прошлой небыли.*

Помолюсь отцу, над рюмкой вермута:

«Сильных я люблю людей!..» – кричащему.
Помолюсь возлюбленному первому —
Мальчику сопливому, ледащему.

Помолюсь возлюбленному сотому —
Машинисту в том купе зашторенном,
Что на блюде мед разрезал сотовый,
Чьи ладони пахли «беломориной»...

Обовью власами ноги, мытые
Лишь слезами, вдосталь исструенными:
Пулею и миною убитого,
Чохом и навеки погребенного...

Господи! Сколь отпустил страдания!
Я перед тобой – живая женщина.
Наконец-то дождалась свидания.
Наконец с Тобою я обвенчана.

И, дрожа, – вот руки обвиваются
Вкруг доски, пропахшей кровью, солью ли...
Как по-человечьи называется
Это чувство?! Страстью ли?! Любовью ли?!

Буря – вся! И грудь моя вздымается
Морем, взбудораженным вулканами!
...Так мужчины с нами обнимаются —
С пьяными, слепыми, бездыханными,

Над заваркой чайною – согбенными,
За кефиром малышне – спешащими,
С вымотанными ночными сменами,
Занавески «Примою» коптящими,

С нами, заревыми Магдалинами,
Чьи заливки – жизнями нагружены!

...И дрожу, прижавшись журавлиною
Шеей – ко Твоим стопам натруженным.

«Ну, сбегай же с ума...»

*Ну, сбегай же с ума.
Это просто.
Видишь, бьются в осколки – задарма —
Лица и звезды.
Полотенце ветра трет,*

*Трясаясь, отирает
Мне мокрые щеки
и кривой рот,
И лоб – от края тоски до края...*

*И нет ничего под Луной,
За что я бы не заплатила.*

*Спой надо мной,
священник больной,
Без паникадила.*

СХОЖДЕНИЕ С УМА

Снег – белый лис. Хвостом он заметет
И век, и час, и год, уста мои и рот,
И рода знак; испод; стежки и швы
Морозных игл; костей; сухой травы.
Я так проста. Пуста, как чан и кадь.
Схожу во тьму. Мне нечего терять.
Все пело. Все летело. Все ушло
Водой – в пески; нутро мне обожгло,
А нет нутра.
Я – волос из хвоста
Лисы-зимы. Святая простота.
Мне надо только пить. И хлеб. И воздух – жить.
Скамейку, где мне голову сложить
Вокзальную ли, прачешную... – мир
Такой простой, немой, из черных дыр.
Навозник съел его и короед.
Теперь насквозь мне слышен хор планет.
Как бы рубаха ветхая моя —
Пурга, слепая плева бытия:
Метет, свистит... кудрит... кудесит... жжет...
Пустые лица. Это мой народ.
Пустые бочки тел, плечей, груди и щек.
Подковой – зубы, жгущие кусок.
Одна грызня. Один удел: добыть,
Пожрать, смолоть. Усы подъяв, завить —
Кровь с морды – кап – на полную Луну.
Она пуста. Я в кулаке сомну
Газетою – ее. Я выброшу кольцо
Ее – в сугроб. Я плюну ей в лицо.
Куда ни гляну – пусто. Гардероб —
Ни зипуна. В еловых лапах гроб
Пустой. Кого хоронят днесь?!.. Вождя?!..
На обшлагах – две запонки дождя.

Пустые лица плакальщиков. Вой
Пустой – над непокрытой головой.
Ни мысли в ней. Я плачу это. Я.
Плач. Косы. Снег. Вот вся моя семья.
Вот жизнь моя. Она, как вой, пуста,
Долга, тяжка, грязна, грешна, свята.
Она – одна. Я это сознаю.
Прими ж с поклоном чашу ты мою,
Скудельный тот, тот сирий алавастр,
Куда – на дно – с консолей и пилястр —
Вся штукатурка ссыпалась, века... —
Пустой сосуд, легчайший, как рука;
Его все били, били – не разби...
Его верблюды клали на горбы,
А как хлебал солдат из фляги той —
Под пулеметом – сласть воды Святой!.. —
Он полон был. Он лил, он извергал
Багряный шар. Он воды изливал
Околоплодные, что серебра светлей.
Поил сосцами нищих и царей.
А нынче – пуст. А нынче вся зима
Сошла с ума. И я сошла с ума.
Луна пустая – светит голова.
В ночи я ни жива и ни мертва.

И я встаю. И надеваю дрань.
И выхожу – в ночную позднь и рань.
И я иду. Эй, ты, любимый люд!
Какие шапки носят?!.. – все сожгут.
Какой ты, люд, стал пышный да цветной.
Павлин ли, мандарин... – а вон с сумой
Кудлатый нищий, пьяный, дикий пес.
И ты, мой люд, ему не вытрешь слез.
Увешался мехами от ушей
До срама!.. страусят и лебедей
На бабские ты кички общипал,
Ты, скотий кнут, ты, царь Сарданапал,
Чем исковеркал ты язык родной?!..
Не лапай. Я не буду ни женой,
Ни подворотной халдушкой тебе.
...А пот и соль сверкают на губе...
Дай вытру... дай и слезки оботру...
Я среди вас ступаю на ветру
Босая, и глаза мои горят,
И флагом во пурге горит наряд!
И вся я – Аллилуия в ночи!
Меня одну не сдюжат палачи!
Больницы, ямы, тюрьмы не сгноят!
Мой Царский ход! Мой выезд! Мой парад!

Я победила вас – тем, что ярка.
Что в поднебесье – мне лишь облака
Сготовлены. Что я кидаю крик
Над горами монет. Кидаю лик —
В собранье рыл. Кидаю хлеб-кулак
Тебе, богач несчастный и бедняк,
Тебе, посудомойка из чепка,
Тебе, старик Матвей, тебе, Лука!
Мой разум помрачен?! Всегда бывал
Во мраке – свет. Всегда горел подвал
Под черною тюрьмой. Всегда мерцал
Во мраке – поцелуй: из всех зеркал.
Темно. Слепа. Ступня по льду. Хрустит
Хрящ жалкий, кость. Упала!

Бог простит
Тебя, кто мне подножку... под уздцы...
Как надо лбом твоим горят зубцы!..
Корона... Заметает снег ее...
А я пуста... И в грязное белье
Завернута, как с кашею горшок...
Я – твой пустой стакан... на посошок...
Возьми меня, потомок ты царей.
Над головой воздень. Ударь. Разбей.
Устала я лишь морды созерцать.
Клешни да когти жать и целовать.
Точить елей, лить мирро и вино
На торжников и курв – им все одно.
Иду в ночи. Вот дом. Его стена,
Как масло, режется звездами. Сатана
Тут пировал. Как по усам текло.
Разбей меня. Я тусклое стекло.
Да не ослепни: меж осколков – сверк! —
Алмаз: Я ЧЕЛОВЕК. Я ЧЕЛОВЕК.

«Все на свете были мальчики и девочки...»

*Все на свете были мальчики и девочки.
Лишь одна я – кудлатая старуха.
Все на свете пели песни и припевочки.
Лишь одна я жуужжала медной мухой.
Анфилады и палаты, залы, зальчики...
И халупы, и дощатые сараи...
Все на свете были девочки и мальчики.
Лишь одна я, старуха, умираю.
Как умру – вот стану я собаченькой,
Вот кощенкой стану я облезлой...
Девки, девочки, пацанки, шлюхи... – мальчики... —*

Стану старым Ангелом над бездной.

ВСТРЕЧА МАРИИ С ЕЛИЗАВЕТОЙ

Навстречу друг другу
Две женщины шли.
Мария – во вьюге —
Круглее Земли.

И Елизавета
Кругла, что копна...
– Ох, Машка!.. Планета...
– Ох, Лизка!.. Луна...

Им вызвездил иней
У рта – лисий мех...
– Ну, Машка!.. А скинешь?..
– Ну, Лизка!.. – И смех...

Мария погладит
Товаркин живот:
– Ну, ты не в накладе?..
– Умножу народ!..

И, тяжело брюхаты,
Морозы вдохнут:
– Хоша б не солдаты...
– Мальцов – заберут!..

И очи молодые
Струят слезный свет.
– Ты плачешь, Мария?..
– Нет, Лизонька... нет...

На пальце сверкает
Златое кольцо.
Из тьмы возникает
Родное лицо.

И слезы Марии
Летят на живот —
То снеги косые,
Беззвучный полет,

То ветры косые,
Косые дожди...
– Ты плачешь, Мария!..

– Лизок... погоди...

И так вынимает
Тряпичный комок,
И лик утирает
Соленый платок!

Худые рекламы.
Да счастье – займы.
О, мертвые сраму
Не имут!.. А мы?!..

А Елизавета —
Вся шепот и всхлип:
– Мой... тоже там где-то...
Мой – без вести гиб...

ПРОЩАНИЕ ЦАРИЦЫ АСТИС С ЦАРЕМ АРТАКСЕРКСОМ

Я нацеплю все побрякушки.
Заставлю факелы зажечь.
Под сводами черно и душно.
И лишь бугрится, как горбушки
хлебов, плоть оголенных плеч.
Дворец молчит, медведь тяжелый.
Я сплю. Я в слепоте веселой.
Я вижу внутренность дворца,
как зрит ребро живот свой голый,
ресница видит тень лица.

Я, Астис, нищая царица.
Простимся. Кони у крыльца,
верблюды... Надо помолиться...
Парче с меня не ливнем литься —
а чешуей, пером с крыла
сползать... Какая жизнь большая...
Иконы в ней огнем горят.
Пылает сурик: «Не святая!..»
А голь и гиль, толпа курная,
целует раму и оклад.

Прощанье краской не напишешь.
Уж лучше руку отрубить.
Царица я, а ты не дышишь.
Нельзя тебе меня любить.
Ты царь, дворец твой в Сиракузах,
царица я – дворец мой тут,

в Эдеме. Золотые друзья
снегов – на блюдах мне несут.

Спознались мы в таких коронах,
что лучше б – оземь! – на куски.
Закат кинжальный, запаленный.
Снега тяжки и высоки.
Январь. Спят села воробьями,
владенья смертные мои.
Я – на ветру – в шубейке – пламя:
зуб на губе, ладонь в крови.
Так крепко ногти засадила,
чтоб не кричать, как оторвут
рабы от Артаксеркса – силой,
на горб слона заволокут,
накроют вышитой попоной,
забьют в тимпаны, зазвонят...

Коль ты вошел в родное лоно —
ты не воротишься назад.

И лошади храпят и бьются,
горит на сбруях бирюза!
Горят озер январских блюдца —
мои безумные глаза!
Не брызнут слезы на морозе,
на пьяненьком колотуне.
Царица не почиет в Бозе:
истлеет в снеговом огне.

И, под уздцы схватив животных,
зверей, чьи сливины-зрачки,
чьи спины – в алмазах потных,
пахучих, – двинулись свободно
в поля сияющей тоски!
В поля, по тракту, где ракиты,
как Магдалины, в буйстве кос —
сухих ветвей; где вместо мыта
за путь – солдат в земле, убитый,
горошины медвежьих слез...

И я зажму свой рот подковой,
ничком качаясь на слоне.
И стану снежною половой.
И стану жемчугом в вине.
И стану сохлой кулебякой.
И грязью, что насытит гать.
Я стану бешеной собакой.
Я буду лаять и дрожать.

Я буду выть в полях буранных,
и с волком спутают меня.

Прощай, мой царь, мой дьякон пьяный,
мои баянные меха.
Мои сугробные палаты.
Мой чернобревенный чертог.
И келья, где, гола, распята,
я знала: мой со мною Бог.
Слоны сторожко в снег ступают.
Верблюды плачут и косят.
Они бредут к воротам Рая,
и все бубенчики гремят.
И поезд мой, обоз мой царский,
с атласом, сканью, барахлом —
не стоит дуновенья ласки,
одной несчастной, сирой ласки,
льняной, тишайшей, ясной ласки
в полях, где были мы вдвоем.

ПЕСНЯ МАРИНКИ. МЕЧ ГЭСЭРА

Синий меч, целую твой клинок.
Слезы стынут – изморозью – вдоль...
В дольном мире каждый – одинок,
Обоюдоострая – юдоль.
Синий меч, купался ты в крови.
Вытер тебя Гэсэр о траву.
Звезды мне сложились в крик: живи.
Я бураном выхрипну: живу.
Я детей вагонных окрещу
Железнодорожною водой.
Я свечой вокзальной освещу
Лик в хвощах мороза, молодой —
Свой... – да полно, я ли это?!.. – я —
Яркоглаза, брови мои – смоль,
Свет зубов?!.. – изодрана скуфья,
И по горностаю – дыры, моль...
Короток сибирский век цариц —
Всех путейщиц, всех обходчиц, всех
Крепкоскулых, да в мазуте, лиц,
Из которых брызжет лавой – смех!
И заокеанский не длинней —
Знахарш, ясновидиц, медсестер:
Из ладоней бьют пучки огней —
Ненароком подожгут костер
Эшафотный: свой...

Глядися в меч!
В синее зеркало боли, мглы... —
Бездна там венчальных, тонких свеч,
Радужно накрытые столы.
За лимонным срезом, за вином,
Кровью пахнушим, за снедью той —
В кресле колчаковском, ледяном —
Мы с тобой: смеющейся четой...
Держишь на коленях ты меня,
Малеванец, мой колдун-чалдон,
Саскией сижу – снопом огня,
Слышу под ребром я сердца звон,
Сердца звон... – твое или мое?.. —
Меч Гэсэра, разруби! – невмочь?!
На веревке Снежное Белье
Все мотает Свадебная Ночь...
Свадьба!.. Это Свадьба!..

...это бред.
Волосы седые ветер рвет.
Меч, гляжусь в тебя. Мне триста лет.
Кости мои – горы. Очи – лед.
Время просвистело – знамо, как,
Гэсэр-хан: как Тень Стрелы Отца.
Сгреб косичку в смуглый ты кулак
Под планетой желтого лица.
Вон и Будда в темноте стоит.
Плачет. Припаду к Его стопам.
Он Христа учил. Он лазурит
Одиноких глаз – швырнул степям.
Ох, спасибо, меч-мороз, – в тебе
Увидала я, кого люблю... —
В ножнах ты, как я в своей судьбе.
Прежде Бога горе не срублю.
Выпрямлюсь. Целую окоем.
Сын в земле. Созвездья над землей.
Синий меч, да мы с тобой вдвоем —
Режущий мне горло ветер мой.
Обоюдоострый мой култук,
Замахнись. Мгновенной будет боль.

.....Не разнять мертво сцепленных рук,
Обоюдоострая юдоль.

НА ТАЙНОЙ ВЕЧЕРЕ

Меня вы в грудь не толкайте.

Я тихо приду сюда.
На стол все миски поставьте.
А вот вино и вода.
А вот это пламя погашено
В светильнике —
 под скамьей...
Какие лица. Как страшно.
Давай, притворюсь немой.

Здесь курят. Здесь соль кидают
Щепотью через плечо.
Здесь плачут. Как здесь рыдают.
Как любят здесь горячо.
А вот и пирог на блюде,
И свечи возожжены...
Какие родные люди.
И все умереть должны.

Да все ли, Господи?!..
 Все ли?!..
«Да, все, блаженная. Все».
И в круг за столом расселись.
И брызги в моей косе.
То – кто-то рядом заплакал.
То – масло кипит в котле.
То – дождь сквозь крышу закапал.
Как больно жить на земле.

Не слезы то и не масло, —
То Царские жемчуга!
Хозяйка – так скулы красны —
Несет на шапке снега,
Задохшись, входит с мороза,
Хватает с вином пиалу...

Мои распущены косы.
Я – тут, на полу, в углу.

Хлеб ножиком острым ранен.
А в кружках горит вино.
Дитя заводских окраин,
Железное веретено,
Гляжу на бутыл, горбушку,
А может, и мне нальют...

Тяну железную кружку —
Пусть тайну мне выдают...

Да нет. Не надо мне тайны.

Пора отправляться в путь.
От сердца и до окраины —
Худые ребра и грудь:
Под теплой сирой тельняшкой,
Собачьим полшубняком...
Огрызком. Опоркой. Одяшкой.
Огарком. Рыбой с душиком.
Товарняком. И флягой,
Где чистый плещется спирт... —
Порожняком, бедолагой,
И печенью, что болит —
Сожженной цингой печенкой,
Барачной, полярной, той,
Запястий пытальной крученкой
Да кровью под голой пятой...

Да, Тайная наша Вечеря!
Да, пьет втихаря народ!
Да, жжет в поминанье свечи,
Заклеив ладонью рот!
Да, так опрокинет стопку,
Как в глотку забьет себе кляп,
Как кинет в печь на растопку
Надгробных еловых лап!

Да, войнами сыт по горло
И революциями тож,
Втыкает в свой хлеб
 позорный,
Заржавельй, Каинов нож...
А свечи горят, как в храме!
А бабы, как на похоронах,
Ревут, блажат меж гостями,
Меж красной икрой на блинах!

Вино красно. И варенье
Красно. И судьба красна.
Народ исчерпал терпенье,
А жизнь у него одна.
И бац – кулаком – о столешницу.
И встанут из-за стола.

И я, мышонок и грешница,
Речей ваших пересмешница,
Небес ваших тьма-кромешница,
И я меж вами
 была.

ПОГОРЕЛЬЦЫ

Тянет руку мне тельце... В шаль закутаю туго...
Мы теперь погорельцы – мы сцепились друг с другом.

Польхало седельце крыши – дрожью по скатам...
Мы теперь погорельцы – мы подобны солдатам.

Ноздри мир выест гарью. Очи мир солью выест.
Между злыми снегами наш возок – Царский выезд:

Сундучишко распятый, узелишко дорожный...
А куда нам, ребята?!.. – и сказать невозможно...

Побредем по землище, где монетами плотют.
Сядем в рубище нищем средь толпы – ты не против?.. —

У дворца, где умельцы расписали колонны
Матюгом... – погорельцы!.. Оборван-охламоны...

Будем клянчить усердно, будем петь вам колядки.
Ах, народ ты наш скверный, накидай без оглядки

Нам в корзины-баулы всякой снеди пресладкой!..
Ветер – рыбою снулой. Крестим лица украдкой.

Нам землицы-земельцы уж не нюхать родимой.
Мы теперь погорельцы. Мы – навеки и мимо.

Не ори ты, младенец, ш-ш!.. – в зареванной шали...
Помни: ты погорелец. В тебя звезды дышали.

На излете причала, на пороге вокзала
Пальцы жгла я свечами – я тебя пленала.

И просила дары я – хлебца, салыца кусочек!
И молила: Мария, голодал Твой Сыночек...

Этот голод великий, мы стрельцы-огнестрельцы...
О Пречистая! Ликом наклонись: погорельцы!

Стынь-страна – в пол-объятя,
чернь-страна – в масле дуло...
Под каким ты проклятьем, породившись, уснула?!..

На вокзальном пороге грудь даю ребятенку —
Погорельские боги!.. – как немому котенку...

Перевязана накрест волглой, вытертой шалью,
Белка, беженка, выкрест, кормлю ляльку печалью...

Кормлю мерзлую далью, кормлю близью угрюмой —
Хоть бы корку подали, вы, жулье, толстосумы!

Вы, проведенные кабель жирных дел под землею.
Вы, звон денежных сабель сыпля над головою

Ваших узников кротких, вороша головешки...
О, подайте!.. – селедку иль горбушку, картошку...

ТАМ – сгореть без прописки. Бог не взыщет по праху.
ЗДЕСЬ – лакать нам из миски, утираться рубахой.

Отвернулась от шали – кто-то выдохнул рядом...
Повернулась: ох, зябко: злато, смирна и ладан.

УЛИЧНАЯ ЕЛЬ. НОВОГОДЬЕ

Черная, огрузлая, седая,
Побрякушками, лампадками увешана,
Как цыганка старая, гадает
Старикам насупленным, среброзубым женщинам:

– Дети ваши будут нюхать сладости,
Грызть рожки медовые!..
Будут жить они в любви и радости,
Позабыв столетие бредовое...

Машет ель руками черными.
На мулаточке игрушки – сладкими клубниками.
А ветра по площади просторные
Машут флагами над сморщенными ликами.

Машут флагами – еще багряными!
Отрывают жуть со крыш серебряных!..
А пойдут из магазина пьяные —
Выдохнут: «А ель-то... как царевна...»

И заплачут пьяные, и выпьют из-за пазухи,
И засунут снова под тулуп питье горячее:
Их сынки – в земле сырой. Им – праздник памяти!
Очи радугою слез горят, незрячие...

Ах ты, ель, ты черная, дородная.

Не маши ты им стеклярусом-подвесками.
Впереди еще – беда народная.
Впереди еще – жальба голодная.
Дай натянуть нам наряды новомодные,
Прицепить ко шляпам слезы новогодние,
Дай помыслить нам, что мы – клейменные! – свободные,
Дай полакомиться
Петушками детскими.

«Ну вот я вся – Мария Магдалина!..»

*Ну вот я вся – Мария Магдалина!
Я к вам бежала – через все века.
И вот я на снегу лимоном стьну,
А Галилея, Боже, далека.
Ударят по щеке – подставь другую!..
Не слабость это – сила!.. – на ветру.
Всех, зревших на снегу меня – нагую,
Под дых меня пинавших – соберу.
Я соберу всех страждущих, голодных
Под тощее свое крыло,
На кухню грязную, в угрюмый дом холодный,
В то нутряное, дикое тепло.
И будут есть и пить, отогреваясь,
Кусать блины прогорклые мои.
И буду я глядеть на них, живая,
И плакать от большой любви.*

УБИЙСТВО В КАБАКЕ

Ах, все пели и гуляли. Пели и гуляли.
На лоскутном одеяле скатерти – стояли
Рюмки с красным, рюмки с белым, черным и зеленым...
И глядел мужик в просторы глазом запаленным.
Рядом с ним сидела баба. Курочка, не ряба.
На колени положила руки, костью слабы.
Руки тонкие такие – крылышки цыплячьи...
А гулянка пела – сила!.. – голосом собачьим...
Пела посвистом и воем, щелком соловьиным...
Нож мужик схватил угрюмый да – подруге – в спину!
Ах, под левую лопатку, там, где жизни жила...
Побледнела, захрипела: – Я тебя... любила...

Вдарьте, старые гитары! Век, старик, послушай,
Как во теле человеческом убивают душу!

Пойте, гости, надрывая вянущие глотки!
В окна прокричите! В двери! Вдоль по околотку!
Прохрипите кровь и слезы в ожерельях дыма!..
Наклонись, мужик, над милой, над своей любимой...
Видишь, как дымок дымится – свежий пар – над раной...
Ты убил ее, избавив от земных страданий.
Ты убил ее любовью. Бог с тобой не сладит.
Тебя к Божью изголовью – во тюрьму – посадят.
Я все видела, бедняга. На запястьях жилы.
Ты прости, мой бедолага, – песню я сложила.
Все схватила цепким глазом, что ножа острее:
Бахрому скатерки, рюмку, выгиб нежной шеи...
Рыбью чешую сережек... золото цепочки...
Платье, вышитое книзу крови жадной строчкой...
Руки-корни, что сцепили смерти рукоятку...
На губах моих я помню вкус кроваво-сладкий...
Пойте, пейте сладко, гости! Под горячей кожей —
О, всего лишь жилы, кости, хрупкие до дрожи...
Где же ты, душа, ночуешь?!.. Где гнездисься, птица?!..
Если кровью – захлебнуться... Если вдрызг – разбиться...
Где же души всех убитых?! Всех живых, живущих?!..
Где же души всех забытых?!.. В нежных, Райских куцах?!..

Об одном теперь мечтаю: если не загину —
Ты убей меня, мой Боже, так же – ножом в спину.

«Вы, звери мои и птицы!..»

*Вы, звери мои и птицы!
Вы, ягоды на лотке!
Мне вами наестся,
напиться,
Нажиться... – ножик в руке...*

*Вечерняя вы свобода.
У Солнца вы борода!
Торчу посреди народа —
Изюм
птичий глаз,
звезда...*

*А люди... а злые люди...
По морде – наискось – шрам...*

*Кроши мою плоть на блюде —
Синицам и снегилям!*

*Кинь кости мои – собакам,
Так воющим на Луну,
Что я – бульжником в драке,
Рубином в раке – сверкну.*

ВАСИЛИЙ БЛАЖЕННЫЙ

Захару Прилепину

Напиться бы, ах,
напиться бы,
Напиться бы – из горсти...
В отрепьях иду столицей. Устала митру нести.
Задохлась!.. – лимон с клубникою?!.. —
железо, ржу, чугуны —
Ташить поклажей великою на бешеной пляске спины.
Я выкряхтела роженочка – снежок, слежал и кровав.
Я вынянчила ребеночка – седую славу из слав.
Какие все нынче бедные! Все крючат пальцы: подай!..
Все небо залижут бельмами!.. —
но всех не пропустят в Рай.

А я?.. Наливаю силою кандалный, каленый взгляд.
Как бы над моей могилою, в выси купола горят.
Нет!.. – головы это! Яблоки! Вот дыня!.. А вот – лимон!..
Горят последнею яростью всех свадеб и похорон.
Пылают, вещие головы, – волосы – серебро да медь,
Чернеющие – от голода, глядящие – прямо в смерть!
Шальные башки вы русские, – зачем да на вас – тюрбан?!..
Зачем глаза, яшмы узкие, подбил мороз-хулиган?!..
Вы срублены иль не срублены?!..

...Ох, Васька Блаженный, – ты?!..
Все умерли. Все отлюблены. Все спать легли под кресты.
А ты, мой Блаженный Васенька —
босой – вдоль черных могил!
Меня целовал! Мне варежки поярковые подарил!
Бежишь голяком!.. – над воблою
смоленых ребер – креста
Наживка, блесна!.. Надолго ли Крестом я в тебя влита?!
Сорви меня, сумасшедшенький!
Плюнь! Кинь во грязь! Растопчи!
Узрят Второе Пришествие, кто с нами горел в ночи.
Кто с нами беззубо скалился. Катился бревном во рвы.
Кто *распял*. И кто – распялился в безумии синевы.

А ты всех любил неистово. Молился за стыд и срам.

Ступни в снегу твои выстыли. Я грошик тебе подам.
Тугую, рыбой блеснувшую последнюю из монет.
Бутыл, на груди уснувшую: там водки в помине нет.
Там горло все пересохшее. Безлюбье и нищета.
Лишь капля, на дне усопшая, – безвидна тьма и пуста.
А день такой синеглазенький! У ног твоих, Васька, грязь!
Дай, выпьем еще по разику —
 смеясь, крестясь, матерясь —
Еще один шкалик синего, презревшего торжество,
Великого,
 злого,
 сильного
 безумия
 твоего.

СЕВЕР. ЗВЕЗДЫ

Как белые кости, как пальцы скелета,
Впиваются скалы в прибой.
Здесь плечи земли лишь Сияньем согреты.
Небесный – ночью – блещет бой.
Как я умирала, как я возрождалась —
Лишь знает бессмертный мой Бог.
Меня Он – людскую последнюю жалость —
Над зимней пустыней возжег.
Течет Плащаница над сизою тундрой.
Бьют копья в грудину земли.
Хрипеть уже – больно. Дышать уже – трудно.
Все звезды в гортань мне втекли.
И я, как гигантский тот Сириус колкий,
Тот страшный, цветной осьминог,
Вошла во предсердие мира – иголкой —
Одна! Ибо всяк одинок.
Все крови и кости в снегах пережжены.
Затянуты все черепа
Метельною бязью. Как древние жены,
Я – пред Мирозданьем – слепа.

Вот все мирозданье: меж Новой Землею
Пролив этот – Маточкин Шар,
И в небе Медведица плачет со мною,
Струя ослепительный жар...
Да, звезды мы! Резкие – режем! – светила!
Цветные мы сабли – наш взмах!
Да, наша изникла великая сила
В бараках, раскопах, гробах!
И вот над звериным сваявшимся боком,

Над грязною шерстью земной
Пылаем, сверкаем, зажженные Богом,
В тюремной ночи ледяной!

К нам – лица. К нам – руки.
К нам – плачущи очи.
Меж них, поводырь кораблю,
Горю, древний Факел военной полночи,
Копьем черный воздух колю.
Не впишут в реестры. В анналы не впишут.
Пылаю, стоцветный алмаз.
Иссохли ладони. И ребра не дышат.
Лишь воткнут пылающий Глаз
Гвоздем ослепительным – в небо над тундрой,
Над морем Голгофским моим,
Где плакал отец молчаливо и чудно,
Глотая седеющий дым
На палубе кренистой, обледенелой,
Где зелен, как яд, пьяный лед,
Где я завещала в снега кинуть тело,
Когда дух к Огням отойдет.

ИРКУТСКИЙ ВОКЗАЛ. ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

Молчит раскосая бурятка.
Лицо как яблоко сухое.
А расписание – в порядке
От Кулунды до Уренгоя.
Эх, кабы навсегда уехать,
В слепую синь стрелой вонзиться!
...Цыганка вся – в монистах смеха,
И ноги тонкие, как спицы.

Здесь ветры с запахом Байкала,
Когда с Востока снег наносит —
Грызни и ругани вокзала
Не занесешь, но он – заносит!
И на сухие иглы снега,
Как на дорогу столбовую,
Выносит ветром человека,
И пьет он водку ледяную.

Берут буряты бутерброды,
Глодают кофе, как в пустыне!
Переселение народов —
Переселение доньне!
Девчонка про любовь щебечет.

Старуха про войну вздыхает.
А рядом Сыне Человечий
На жесткой лавке отдыхает.

У каждого – своя святыня.
У каждого – свои порядки.
Рыдает об убитом сыне
Над Буддой старая бурятка.
А рядом крестик, будто рану,
Старик ощупал под рубахой:
Молиться о грядущем рано —
Спаси от нынешнего страха!

В Афганистане – это рядом —
Месторождение лазурита.
На карте весь Саян под взглядом
Не больше бабкина корыта.
Что, люди, смотрите умильно
В бычачью морду тепловоза:
Вам мало крыльев семимильных?
Не жмут шумерские колеса?

Глядит уборщица колюче,
Подняв метлу убогим флагом,
Хоть ноготки ее на случай
Покрыты земляничным лаком.
Она, как мать Чингисхана,
Глядит из-под руки на лица.
А жарко – можно из-под крана,
Как из реки в горах, напиться!..

Два старика, очистив воблу
И выпив из бутылки пива,
Заснули тут же в позе «вольно»,
Орлиной, нежной и красивой.
Во сне, спасаясь от погони:
«По коням! – крикнули. – Победа!..»
Я с ними в прицепном вагоне —
Ура! – до Култука поеду.

Лежат пирожные в буфете,
Воздушны, дешёвы, бесплотны...
Все человечество на свете
Спрессовано в вокзал холодный.
Но сквозь овчинные тулупы,
Сквозь чемоданные наросты
Я вижу вдруг глаза и губы,
Как дети в детстве видят звезды!

Мальчишка в вытертой дубленке
И с грубыми руками Бога.
И чистые глаза ребенка,
Чья мать – январская дорога.
И я иду к нему, толкая
Мешки, баулы, локти, плечи,
И я красивая такая,
И пальцы подняты, как свечи!

И пальцами в толпе бездомной
Свечу, морозы прожигая,
Свечу во тьме на мир огромный,
К тебе – любимому – шагая!
Как долго я тебя искала!
Родство – о, что за наказание:
Сродниться вмиг в чаду вокзала —
Без рода, имени и званья...

Но вдруг в огнях метельной пыли,
В пару медвежьем и морозном
Меж нами люди повалили
Под диктофона голос грозный.
Оно летело и бежало,
Родное перекасти-поле,
И направление держало,
И брало уходящий поезд!

Клубок с колючею холстиной,
С тысячеглазым счастьем-горем,
Куда ты, как под хворостиной?
В священное какое море?..
Девчонки с красотой живою,
Старухи, жизнь кому – как милость...
Я в нем была сухой травой
И по снегам земли катилась.

Клубок промчался между нами —
От похорон до колыбели...
А где стоял ты – встало пламя,
Слепое снежное веселье.
Кассирша в обморок упала.
Старуха мелко закрестилась...
А я стояла и молчала,
Поскольку я с тобой
Простилась.

«Мои облака... облатки...»

*Мои облака... облатки...
Медного Солнца бадья...
Я с крыши шагну —
и пяткой —
Куда не ступала я.*

*Иду по тучам – царица-синица!..
А вы внизу, лодички, махонькие – в колесе спицы...
А вы, лодички, врассыпную ползете, букашки,
На каракуле улиц завьетесь в барашки,
Со звоном, рюмашки, столкнетесь лбами... —
Губами... – следами... – слезами... – судьбами...
И руки я удилицами к вам опускаю —
И лескою – косы:
но ах!.. не поймаю —
Лишь облако сырое
в кулаке сжимаю,
Лишь влагой небесной
лицо отираю...*

*И по небу иду —
и не дойду до Рая.*

РОЗВАЛЬНИ ПО ОБЛАКАМ

По шершам, занозам бревен проведу рукой...
Вот вы, розвальни, какие – Царские Врата:
Там – солома, там – полома, там – полны тоской
Очи голые, нагие, смольные уста.

И в березовые сани сяду, помолясь:
Вы, рыгающие дымом Адские возки!.. —
Расступись!.. – и полечу я в звезды, снег и грязь,
И солома будет точно золота куски!

И, пока лечу я в санках, обозрю прогал,
Где родилась, где крестилась, где метель и мрак,
Где прижался псом бездомным да к босым ногам
В колпачонке с бубенцами – мой Иван-дурак...

И я век, платок суровый, да прошью насквозь:
Костяной, стальной иглою – так обожжена!.. —
Так вобьюсь в березов полоз, да по шляпку гвоздь,

Дщерь воронья, мать сорочья, снегова жена!

Шибче, розвальни, неситесь!.. —

всех перекрещу:

И преступных, и доступных, и в крови по грудь,
Саблезубых и беззубых — всех — до дна — прощу,
Ибо мал, печален, жалок наш по снегу путь.

Наши розвальни кривые, кучеры — кривей,
Наши воры — сапогами — в ребра лошадей,
Но как нищ весь путь наш, люди, во снегах полей,
Но как больно отрываться, люди, от людей.

И машу, машу вослед я лапкою худой,
Лисьей лапой, птичьей цапой, лентою со лба:
Вы запомните мя, люди: в небе — над бедой —
Простовласая комета, горькая гульба.

...

Весь век мой высечен. Изрезан до кости.
Передо мной мерцают сани,
Как шуба на снегу.
Народ, прости.
Гляди дегтярными глазами.

Кричала... пела... Нет моей вины,
Что вы в парче, мерлушке и финифти.
Брусчаткою расколотой страны
Вы под ногой меня не сохраните.

Был страшен век. Есть страшен приговор
Ему, распявшему колькраты
Детей и птиц, Дух, Слово и Простор,
В чьи длани вбиты мертвые солдаты.

Я в розвальнях, — а бревна иней скрыл...
Да сиречь: локти, голени и спины... —
Качусь; мохнатый снег — подобьем крыл;
На холоду железом синим стыну.

Прощай, мой век! Проехала твои
Расколы, копи, рудники, болота!
От ненависти Божьей — до любви
Звериной, до соленых ребер Лота!

До челюсти ослиной, коей мы
Врага в жестоких битвах побивали,
От воли неба — до камней тюрьмы,

Где нас пытали, где мы хлеб жевали...

Остались сани! Волка бешеной, народ
Ледово скалится, и пяткой клюкву давит,
И помидоры из бочонка в рот сует,
И на черницу в розвальнях плюет,
И в облаках орлицу славит!

А я?!.. – В собачью шубу запахнусь
Потуже; бирюзовый крест запрячу
В межгрудье; шею вытяну, как гусь,
Так обочь глядя, так шепча опричь, обаче.

И с напряженьем, будто бы суму
На спину взваливая неподъемно,
Я над толпой двуперсть воздыму —
Язык огня – над ночью огромной!

И высвечу! И краденые клады освещу!
И озарю позорные подземья и подвалы!
Перекрещу! Пересвищу! Прощу
Вязанки преступлений небывалых!

Весь дикий, весь великий волчий грех,
От первородства до могилы сущий, —
О, розвальни трясет... – прощаю всех,
Рожденных, и погибших, и живущих!

И на меня так пялятся глаза —
Так тычут пальцы – рты в раззявстве ширят —
И блеет бедной музыкой коза,
И запах гари, и медяшки-гири,

И кошкой – старикашка на снегу... —
Он по зиме – босой, и я – босая...
А кони мчат, и больше не могу,
И вон с земли – в зенит – метель косяя!

И я лечу, откосно, круто – вверх...
Вы с норовом, кудлатые лошадки!..
Буран – острей ножей – в лицо, и смех,
И ягоды червонной выплес сладкий

Под языком!.. и вдаль – по облакам!.. —
И вширь – по праху, воздуху и пуху,
Белесым перьям, угольным мешкам —
До слепоты, до исступленья духа!

Я в небесах! Я, дура, в небесах!

А вы меня – на черном льду – топтали...
Я бирюза на снеговых цепях,
Я метка на лоскутном одеяле!

На знамени я вашем бахрома!
Запечена я в нищей сайке – гайкой!
И оттого я так сошла с ума,
Что я на ваши звезды лаю лайкой!

И выпрыгну из розвальней! И побегу
Я босиком – по облакам пушистым!
Я умереть могу! Я жить могу!
Я все могу! Я синий камень чистый!

Я крест ваш, яркий бирюзовый крест!
Я к вам из туч свисаю на тесемке —
Вам не схватить! Сухой и жадный жест.
Не перегрызть! Не оборвать постромки!

И платье все в заплатках, и шубняк
Когтями подран, и глаза-колодцы,
И – кто мне в пару?!.. кто из вас дурак?!.. —
Пускай за мной по облакам увьется!

Бегу!.. – древесной тенью на снегах.
Крестом вороны. И звездой в разрывах
Рогожных туч.

И – человеческий страх:
Как в бирюзовых, Божиих мирах,
Как в небе жить?..

Не хлебом... люди живы...

И, облака измеривши пятой,
Смеясь, подпрыгивая, клича, плача,
Прикидываясь грешной и святой,
Кликушей, сойкой, головней горячей,

Все зная, все – что на земле убьют!.. —
Распнут зубами, зраками, плевками!.. —
Танцую в небе, шут, горящий прут,
Салют – над скатертями, коньяками,

Над крыльями духов, над тьмой параш,
Над кладбищами вечных малолеток —
Мой грозный мир, теперь ты не продашь, —
Жестокий пир, дай неба – баш на баш!.. —
Свой синий крест нательный
напоследок.

«...У тебя очень холодно...»

*...У тебя очень холодно.
Я, девчонка, уйду.
Будет смертно и голодно —
Помолюсь на звезду.*

*Улетаю синицею —
Не лови мя, дитя!..*

*Вытру кровь плащаницею,
Коль распнут они тя...*

«О мать, не уходи, постой...»

О мать, не уходи, постой.
О сумасшедшая, в отрепьях,
Побудь румяной и святой,
Сияй, пока мы не ослепли.
Стой на ветру. Пускай в косе
Застрянет снег больничной ватой.
И соль со щек глотай, как все,
Как все в подлунной тьме проклятой.
Железа, камня посреди,
Блескучей ненависти зверьей —
Побудь еще, не уходи,
Не распахни небесны двери,
Слепящий вход в Ерусалим,
Где вперемешку – грязь и золото,
Костра – в снегах – тяжелый дым,
Сидят на корточках солдаты —
Кто брит, кто дико-бородат,
Бросают бедные монеты,
Чтоб выиграть тулуп и плат:
Наденешь – нет пути назад,
Напялишь – точно, смерти нету.

ВИДЕНИЕ ПРОРОКА ИЕЗЕКИИЛЯ

Гола была пустыня и суха.
И черный ветер с севера катился.
И тучи поднимались, как меха.
И холод из небесной чаши лился.

Я мерз. Я в шкуру завернулся весь.
Обветренный свой лик я вскинул в небо.
Пока не умер я. Пока я здесь.
Под тяжестью одежд – лепешка хлеба.
А черный ветер шкуры туч метал.
Над сохлой коркой выжженной пустыни
Блеснул во тьме пылающий металл!
Такого я не видывал доньше.

Я испугался. Поднялись волосы.
Спина покрылась вся зернистым потом.
Земля качалась, словно бы весы.
А я следил за варварским полетом.
Дрожал. Во тьме ветров узрел едва —
На диске металлическом, кострами
В ночи горя, живые существа
Смеялись или плакали над нами!
Огромный человек глядел в меня.
А справа – лев лучами выгнул гриву.
А там сидел орел – язык огня.
А слева – бык, безумный и красивый.
Они глядели молча. Я узрел,
Что, как колеса, крылья их ходили.
И ветер в тех колесах засвистел!
И свет пошел от облученной пыли!
Ободья были высоки, страшны
И были полны глаз! Я помолился —
Не помогло. Круглее живота Луны,
Горячий диск из туч ко мне катился!
Глаза мигали! Усмехался рот!
Гудел и рвался воздух раскаленный!
И я стоял и мыслил, ослепленный:
Что, если он сейчас меня возьмет?

И он спустился – глыбою огня.
Меня сиянье радугой схватило.
И голос был:
– Зри и услышь меня —
Чтоб не на жизнь, а на века хватило.
Я буду гордо говорить с тобой.
Запоминай – слова, как та лепешка,
В какую ты вцепился под полой,
Какую съешь, губами все до крошки
С ладони подобрал... Но съешь сперва,
Что дам тебе.

Допрежь смертей и пыток
Рука простерлась, яростна, жива,
А в ней – сухой пергамент, мертвый свиток.

Исписан был с изнанки и с лица.
И прочитал я: «ПЛАЧ, И СТОН, И ГОРЕ.»
Что, Мертвое опять увижу море?!
Я не избегну своего конца,
То знаю! Но зачем опять о муке?
Избави мя от страха и стыда.
Я поцелуями украсить руки
Возлюбленной хочу! Ее уста —
Устами заклеить! Я помню, Боже,
Что смертен я, что смертна и она.
Зачем ты начертал на бычьей коже
О скорби человеческой письмена?!

Гром загремел. В округлом медном шлеме
Пришелец тяжело на песок ступил.
«Ты зверь еще. Ты проклинаешь Время.
Ты счастье в лавке за обол купил.
Вы, люди, убиваете друг друга.
Земля сухая впитывает кровь.
От тулова единого мне руки
Протянуты – насилье и любовь.
Хрипишь, врага ломая, нож – под ребра.
И потным животом рабыню мнешь.
На злые звезды шуришься недобро.
На кремне точишь – снова! – ржавый нож...
Се человек! Я думал, вы другие.
Там, в небесах, когда сюда летел...
А вы лежите здесь в крови, нагие,
Хоть генофонд один у наших тел!
Я вычислял прогноз: планета гнева,
Планета горя, боли и тоски.
О, где, равновеликие, о, где вы?
Сжимаю шлемом гулкие виски.
Язычники, отребье, обезьяны,
Я так люблю, беспомощные, вас,
Дерущихся, слепых, поющих, пьяных,
Глядящих морем просоленных глаз,
Орущих в родах, кротких перед смертью,
С улыбками посмертных чистых лиц,
И тянущих из моря рыбу – сетью,
И пред кумиром падающих ниц...

В вас – в каждом – есть такая зверья сила —
Ни ядом, ни мечом ни истребить.
Хоть мать меня небесная носила —
Хочу жену земную полюбить.
Хочу войти в горячее лоно,
Исторгнув свет, во тьме звезду зачать,
Допрежь рыданий, прежде воплей, стонов

Поставить яркой Радости печать!
Воздам сполна за ваши злодеянья,
Огнем Содомы ваш поражу, —
Но посреди звериного страданья
От самой светлой радости дрожу:
Мужчиной – бить;
и женщиной – томиться;
Плодом – буравить клещи жарких чресл;
Ребенком – от усталости валиться
Среди игры; быть старцем, что воскрес
От летаргии; и старухой в черном,
С чахоткою меж высохших грудей,
Что в пальцах мелет костяные четки,
Считая, сколько лет осталось ей;
И ветошью обвязанным солдатом,
Чья ругань запеклась в проеме уст;
И прокаженным нищим; и богатым,
Чей дом назавтра будет гол и пуст... —
И выбежит на ветер он палящий,
Под ливни разрушенья и огня,
И закричит, что мир ненастоящий,
И проклянет небесного меня...

Но я люблю вас! Я люблю вас, люди!
Тебя, о человек Езекииль!
Я улечу.

Меня уже не будет.
А только обо мне пребудет быль.
Еще хлебнете мерзости и мрака.
Еще летит по ветру мертвый пух.
Но волком станет дикая собака,
И арфу будет обнимать пастух.
И к звездной красоте лицо поднимешь,
По жизни плача странной и чужой,
И камень, как любимую, обнимешь,
Поскольку камень наделен душой,
И бабье имя дашь звезде лиловой,
Поскольку в мире все оживлено
Сверкающим,
веселым,
горьким Словом —
Да будет от меня тебе оно
Не даром – а лепешкой подгорелой,
Тем штопаным, застиранным тряпьем,
Которым укрывал нагое тело
В пожизненном страдании своем...»

.....

...И встал огонь – ночь до краев наполнил!

И полетел с небес горячий град!
Я, голову задрал, себя не помнил.
Меж мной и небом не было преград.
Жужжали звезды в волосах жуками.
Планеты сладким молоком текли.
Но дальше, дальше уходило пламя
Спиралодиска – с высохшей земли.

И я упал! Сухой живот пустыни
Живот ожег мне твердой пустотой.
Звенела ночь. Я был один отныне —
Сам себе царь
 и сам себе святой.
Сам себе Бог
 и сам себе держава.
Сам себе счастье.
 Сам себе беда.

И я заплакал ненасытно, жадно,
О том, чего не будет
Никогда.

ФРЕСКА ВТОРАЯ. КОПЬЯ ВРЕМЕНИ

*«Как сделать, чтобы человек
всегда мог быть самим собой?»*

Орхан Памук, «Черная книга»

ВОЛОДЯ ПИШЕТ ЭТЮД ТЮРЬМЫ КОНСЬЕРЖЕРИ

Сказочные башенки,
черные с золотом...
Коркою дынной – выгнулся мост...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.